

Француз об орловской деревне и о том, что Париж после Москвы — деревня

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Орловская деревня привела его в восторг. Причем его одинаково восхищали и respectable дома состоятельных фермеров, и приземистые крестьянские избы, лишённые каких бы то ни было благ цивилизации. Кажется, последние все же восхищали его больше.

— Что такое деревня, я по-настоящему узнал только в России: у нас во Франции деревни как таковой нет, — объясняет Паскаль. — У нас это маленькие пригороды, между которыми расположены фермерские хозяйства. Русская деревня — это когда далеко от города, среди лесов и полей, живут люди. Это так поэтично... Особенно хороша глубинка. И вы еще думаете, что это плохо — места, где практически нет цивилизации. Понимаете, в Европе 500 миллионов человек, которые тесно живут на небольшой территории, а в России 140 миллионов человек, которые живут на самой огромной территории в мире. Это значит, что много незатронутых цивилизацией мест, где только и можно по-настоящему почувствовать природу. Хотя я бы не смог постоянно жить в деревне, это тяжело, когда все, что нужно, нету. Но когда это можно увидеть, это — супер!

Этой высшей похвалы француза («Супер!») удостоились и мощные «Джон Диры» и «Лексионны» на полях наших фермеров и агрофирм, и современные животноводческие комплексы, построенные «Орловской Нивой» и «Эксимой», но все это он видел и во Франции, а потому особое сердечное умиление вызывает в нем именно наш сельский «антиквариат». Видели бы вы, с каким жадным интересом рассматривал он на иных крестьянских подворьях технику с еще советской символикой! С какой настойчивой пылкостью, достойной Брема, преследовал в одной змиевской деревенке пестрого петуха: «Слушайте, он говорит «ко-ко-кок», по-французски это значит «петух!» Впрямь, детский восторг французского экономиста при виде этой обыкновенной для нас птицы понятен: Паскаль мне рассказал, что петух во Франции (где курятину производят только промышленным способом) — существо вымирающее, на всю страну осталось лишь 200 особей, принадлежащих частным птицеводам. С кого они теперь будут рисовать древнейший символ Франции — галльского петуха?

Паскаль довольно сносно изъясняется по-русски. Он признается, что ему приятен сам строй нашего языка, и даже буквы. Полюбить язык ему помогла преподаватель во Франции: сама влюбленная в русскую культуру, она внушила ученику самые трепетные чувства к нашей стране и народу. Но, шутит Паскаль, чтобы понять, как хороши русские, ему понадобилось съездить в... Лондон. Занимаясь международной экономикой, он изучает два языка — английский и русский. Для того чтобы овладеть английским на бытовом уровне, после первого курса отправился на каникулах поработать в Лондоне (надо сказать, что Паскаль из простой семьи, которая живет в небольшом городе Шарлевиль-Мезиер в 70 километрах от Реймса: его мать работает секретарем у врача, отец — рабочим на заводе, в семье трое детей, и средств на их обучение не так много). Два месяца паренек работал в лондонском «Макдональдсе». Лондонцы ему не понравились: они, по его словам, живут по принципу — если мне что-то нужно от

тебя, ты мне друг. А вот русские, считает Паскаль, умеют дружить бескорыстно.

Его друзья в Орле, с которыми он познакомился три года назад во время работы над дипломом на факультете экономики и управления ОГУ, уже закончили учебу и работают. Вместе они отдыхают: бывают в кино, в боулинге, ездят на дачу. Дача для Паскаля — тоже сельскохозяйственный объект, причем характерный только для России.

— У нас во Франции нет такого, на природе мы отдыхаем и все. А здесь производят сельхозпродукцию. И я теперь понимаю, почему в России, в условиях постоянного кризиса, люди никогда не будут голодать — всегда спасает картошка с дачи. Если же во Франции грянет кризис и, предположим, исчезнут продукты из супермаркетов, то мы просто пропадем. Мы забыли, как растет картошка, как растут зерно, помидоры... А что я вижу здесь: у всех моих друзей есть дачи, они без конца обсуждают, как лучше выращивать овощи на них... Что бы ни происходило, есть одно,

На мой вопрос, в чем он видит самое слабое место в работе российских фермеров, Паскаль уверенно ответил: «Между ними нет контакта! В России люди не умеют или боятся работать вместе. А между тем по одиночке трудно конкурировать с крупными предприятиями». Кроме того, во Франции существует единая компьютерная сеть для фермеров, специальные фермерские сайты, в России же фермеры никак не связаны друг с другом. Еще одна проблема, по мнению французского экономиста, затрудняет развитие фермерства в нашей стране — это сложности с получением кредита, высокий банковский процент.

Еще одно отличие французского АПК — специализация регионов. Например, свинину производят в Бретани, овец — в южных Альпах, шампанское — естественно, в Шампани и т. д. Для Рос-

что неизменно в России — это сельское хозяйство. Все осведомлены в этом.

Шампань-Арденны, как сообщает Большая Советская Энциклопедия, — современный экономический район на северо-востоке Франции, занимает площадь примерно такую же, как и Орловская область, — 26 тысяч квадратных километров. В сельском хозяйстве, где занято примерно 4 процента экономически активного населения, преобладает производство зерна (пшеница, ячмень, кукуруза) и виноградарство. Развито животноводство.

Во Франции сельское хозяйство, говорит Паскаль, представлено, главным образом, мелкими и средними фермерами (хотя есть и крупные хозяйства с наемными рабочими). Французский фермер обязательно имеет специальное аграрное образование, обычно это потомственный фермер, у него 50—100, 200, самое большое — 300 гектаров земли. Но самое главное отличие французского фермера от российского — то, что он никогда не работает в одиночку, он обязательно входит в кооператив.

Кооператив помогает фермеру в бухгалтерских расчетах, в переработке, реализации продукции, осуществляет юридическое обеспечение. Кооператив консультирует фермера о ситуации на сельскохозяйственном рынке Евросоюза, о том, какие субсидии, кредиты, налоговые льготы можно получить (поддержка сельского хозяйства осуществляется на общеевропейском уровне). Самый крупный фермерский кооператив в Шампани, по словам Паскаля, зерновой — в него входят все фермеры региона, которые занимаются производством зерна (пшеницы, пивоваренного ячменя), это компания «Шампань — Сериаль» (сериаль — зерно по-французски).

сии же характерно, что каждая область стремится обеспечить собственную продовольственную безопасность.

— Во Франции ты покупаешь продукты в супермаркете, а в Орле? — спрашиваю Паскаля.

— И в Орле сейчас можно все купить в супермаркете. Но мясо,

овощи, например, я покупаю только на рынке. Потому что знаю, это местное, а значит, свежее. А в супермаркете — импорт, значит... Ведь у вас нет такой организации, которая закупала бы мясо или овощи у фермера и предлагала супермаркету?

Паскаль действительно указал на самое уязвимое место: торговые сети не берут у фермеров-индивидуалов их продукцию: малые партии, нерегулярность поставок, отсутствие расфасовки... Но ведь все эти минусы легко снимались бы в рамках специальных кооперативов. А с этим у нас пока проблемы, как справедливо заметил наш французский друг.

Впрочем, и во Франции не все закупают продукты только в су-

пермаркете, существуют и фермерские рынки. Но, как сказал Паскаль, они более «фольклорные» — т. е., как я поняла, на них торгуют непосредственно фермеры, а не перекупщики. Сам фермер берет место и воскресенье, кто — мясом, кто — сыром, овощами. Продукция — наисвежайшая, поэтому цены там выше, чем в супермаркете. На такие «фольклорные» рынки ходят в основном пожилые люди,

Арденнах виноград, как у нас сахарную свеклу, фермеры перерабатывают на давальческих условиях.

Общаясь со своим французским коллегой в ходе совместной работы, я много нового узнала о его родной стране, чего не прочитаешь ни в СМИ, ни в специальной литературе. И не всегда это соответствовало нашим привычным представлениям о «продвинутой» Европе. Так, с удивлением я узнала о том, что во Франции только 80% населения получают аттестат зрелости, а 10% не умеют толком писать, так что даже существует профессия писаря. Или вот такой факт: в стране, где слово «равенство» является частью национального девиза, вынесенного на герб страны еще во времена Французской революции, до сих пор существует проблема полового неравенства — по словам Паскаля, во Франции женщине очень трудно получить высокую должность, зарплата французенок на 20% ниже, чем у мужчин. А ведь именно изображением женщины — знаменитой «Марианны» — является национальным символом этой страны.

...Узнав от одного орловского фермера, что в его хозяйстве полторы тысячи гектаров пашни, Паскаль почти завистливо вздохнул: «Все у вас в России огромное — расстояния, поля, машины и это... — (заглянул в словарь), — гульба... Ваши большие размеры лучше всего характеризуют вашу страну и позволяют понять характер русского человека. Все у вас гигантское... Когда я возвращаюсь в Париж после нескольких месяцев жизни в Москве, то Париж для меня — это не город, это деревня, такая гигантская у вас столица...».

Татьяна ПАВЛОВА.
Фото Сергея МОКРОУСОВА.